

Сергей Есенин. Собрание сочинений в одной книге

Тонкая лирика поэта, его нежная любовь к родине, простой и понятный язык стихотворений, бесшабашная и радостная натура, умение изящно передать в произведениях настроение, мысль и чувства — все это делает Есенина уникальным в своем роде. Трагическая судьба поэта, прожившего насыщенную, но недолгую жизнь, вылилась в удивительные стихи, которые и по сей день трогают души читателей.

В данное собрание сочинений С. Есенина вошли все стихотворения, «маленькие» и «большие» поэмы, как назвал их поэт, все известные его прозаические произведения, статьи, заметки, очерки и автобиографии, кроме отрывков, неоконченных произведений и литературных деклараций, а также выборочно представлены письма поэта.

СЕРГЕЙ
ЕСЕНИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

С. Есенинъ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Собрание сочинений
в одной книге

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2017 ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2017

ISBN 978-617-12-3064-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Составитель *Н. Г. Баштовая*

Вступительная статья *И. Н. Сухих*

Комментарии *Н. Г. Баштовой, И. С. Веселовой*

Печатается по изданиям:

Есенин С. А. Полное собрание сочинений. — М. : Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 1989—2001.

Сергей Есенин в стихах и жизни : Письма. Документы / общ. ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой ; сост. С. П. Митрофановой-Есениной, Т. П. Флор-Есениной. — М. : ТЕРРА ; Республика, 1997.

Есенин С. Полное собрание сочинений : В 7 т. — М. : Наука, Голос, 1995. — Т. 1.

Дизайнер обложки Татьяна Волошина

Художник Наталья Переходенко

Электронная версия создана по изданию:

Есенин С.

Е82 Собрание сочинений в одной книге / Сергей Есенин ; сост. Н. Г. Баштовой ; коммент. Н. Г. Баштовой, И. С. Веселовой ; вступ. ст. И.

Н. Сухих ; худож. Н. Переходенко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2017. — 960 с. : ил.

ISBN 978-617-12-2515-2 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3828-7 (Россия)

УДК 821.161.1

ББК 84.4Р2

© Баштовая Н. Г., составление, комментарии, 2012

© Веселова И. С., комментарии, 2012

© Сухих И. Н., вступ. ст., 2012

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

© ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2017

«...Чтоб и мое степное пенье сумело бронзой прозвенеть»

В 1924 году, отвечая на анкету в связи с очередным пушкинским юбилеем, Сергей Есенин написал: «Пушкин — самый любимый мной поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу». В этой любви он был не одинок.

Несмотря на авангардистские призывы «бросить Пушкина с парохода современности», и для поэтов двадцатого века он оставался собеседником, идеалом, мерой эстетического вкуса и совершенства. Но у каждого был свой Пушкин («Мой Пушкин» — называлось эссе М. И. Цветаевой, 1937).

Блок заканчивает свой путь стихами «Пушкинскому дому» и апологией пушкинской тайной свободы в речи «О назначении поэта» (1921). Маяковский пишет «Юбилейное» (1924), где говорит с Пушкиным очень лично, как с соратником («Были б живы — стали бы по Лефу соредактор»), и в то же время — как памятник с памятником. Сергей Есенин в том же юбилейном году использует сходный прием: общение с памятником. Но он видит на пьедестале и в жизни совсем иного поэта:

Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.

Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.

<...>
Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

(«Пушкину», 1924)

Блоковский Пушкин — Поэт, сын гармонии, поэтический Моцарт, Пушкин Маяковского — Мастер, напоминающий Сальери: он владел «хорошим слогом», но может, если нужно, бросить «ямб картавый» и освоить агитки и рекламу, «жиркость и сукна».

Пушкин у Есенина — хулиган и повеса, вошедший в легенды, представший в бронзе выкованной славы. В коротком стихотворении Есенин дважды повторяет слово судьба: Пушкин для него — не только поэтический образец, но и жизненный идеал, модель поведения: «Я умер бы сейчас от счастья, / Сподобленный такой судьбе».

Однако сюжет есенинской судьбы заставляет, скорее, вспомнить о Лермонтове. Жизнь Есенина, как и лермонтовская, стала книгой, еще одним томом собрания его сочинений. Однако она сложилась по законам есенинского художественного мира: не как романтическая баллада, а как волшебная сказка, но — с трагическим концом. В таком жанре увидел есенинскую судьбу Б. Л. Пастернак: «Есенин к жизни своей отнесся как к сказке. Он Иван-Царевичем на сером волке перелетел океан и, как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан. Он и стихи свои писал сказочными способами, то, как из карт, раскладывая пасьянсы из слов, то записывая их кровью сердца. Самое драгоценное в нем — образ родной природы, лесной, среднерусской, рязанской, переданной с ошеломляющей свежестью, как она далась ему в детстве» («Люди и положения», 1956).

Эта сказка начиналась в прозаической обстановке. Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября (4 октября) 1895 года в рязанском селе Константинове. Отношения между родителями были сложными: отец и после женитьбы продолжал работать в Москве, мать вынуждена была служить прислугой в Рязани. У него было типичное крестьянское детство, без гувернеров и гимназии, но с обычными для деревенского ребенка радостями и опасностями.

«С двух лет, по бедности отца и многочисленности семейства, был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку.

Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: “Эх, стерва! Ну куда ты годишься?” “Стерва” у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо я был выучен лазить по деревьям. Из мальчишек со мной никто не мог тягаться. Многим, кому грачи в полдень после пахоты мешали спать, я снимал гнезда с берез, по гривеннику за штуку. Один раз сорвался, но очень удачно, оцарапав только лицо и живот да разбив кувшин молока, который нес на косью деду.

Средь мальчишек я всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах» («Сергей Есенин», 1922).

В том же году Есенин вспомнит о детстве и в стихах:

Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.

И навстречу испуганной маме
Я цедил сквозь кровавый рот:
«Ничего! Я споткнулся о камень,
Это к завтраму все заживет».

(«Все живое особой метой...», февраль 1922)

Но была в жизни Есенина и другая, необычная, сторона, предсказывающая, угадывающая будущее призвание. «Мы часто ездили <...> на Оку поить лошадей. Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов» («Автобиография», 1924). Луна станет одной из главных «героинь», одним из доминирующих образов поэзии Есенина. Из детства она более 150 раз приплывет в его стихи, в том числе в абсолютно напоминающем детское впечатление виде: «Нынче луну с воды / Лошади выпили» («Небесный барабанщик», 1918).

Читать Есенин научился в пять лет. Через несколько лет он уже пытается сочинять сам. «Стихи начал слагать рано. Толчки давала

бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад. Стихи начал писать, подражая частушкам» («Автобиография», 1923).

В 1904 году поступил в четырехклассное Константиновское земское училище, потом окончил двухлетнюю учительскую школу. На этом его официальное образование завершилось. «Родные хотели, чтоб из меня вышел сельский учитель. Надежды их простирались до института, к счастью моему, в который я не попал» («Автобиография», 1924).

Правда, приехав в Москву в 1912 году «без гроша денег», Есенин какое-то время посещает вечерний университет, но ни средств, ни времени на лекции не хватает. Он служит вместе с отцом приказчиком в мясной лавке, но вскоре резко порывает и с родителем, и с мясным делом, перейдя в более близкую и привлекательную книжную торговлю.

Уже в это время сочинительство становится его главным делом (первые публикуемые в его сборниках стихи помечены 1910-м годом). Поначалу Есенин общается с так называемыми «крестьянскими поэтами» из Суриковского кружка, идеалом которых были А. Кольцов, И. Никитин, И. Суриков, а основными мотивами — трудная доля бедняка, одиночество, тоска. Но вдруг из во многом подражательного, вторичного крестьянского поэта вырастает просто поэт, желающий, чтобы его судили по высоким критериям современной литературы.

В марте 1915 года Есенин отправляется в Петербург и сразу же в день приезда приходит к Блоку. «Днем у меня рязанский парень со стихами, — отмечает Блок в записной книжке 9 марта 1915 года. — Крестьянин Рязанской губернии, 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые...»

С этой встречи Есенин начинает завоевание Петербурга и современной поэзии. При этом он учитывает два обстоятельства: вечные ожидания талантливого поэта «из народа», на которого «кающиеся интеллигенты» всегда возлагали особые надежды, и опыт футуристов-авангардистов, использовавших для приобретения популярности театральные приемы: публичные выступления, необычную одежду, эпатажные высказывания. Есенин не столько был крестьянином (в сущности, он никогда, даже в раннем детстве, не жил обычной крестьянской жизнью), сколько талантливо играл крестьянина.

Многие современники заметили и описали появление Есенина в известном символистском салоне Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (Есенин тоже вспоминает о нем в фельетоне «Дама с лорнетом», 1924—1925). Вот как — по-толстовски, сопоставляя видимое, сказанное и подразумеваемое — рассказал о нем близкий к футуризму и знавший толк в авангардистском эпатаже филолог В. Б. Шкловский: «Есенина я увидел в первый раз в салоне Зинаиды Гиппиус, здесь он был уже в опале.

— Что это у вас за странные гетры? — спросила Зинаида Николаевна, осматривая ноги Есенина через лорнет.

— Это валенки, — ответил Есенин.

Конечно, и Гиппиус знала, что валенки не гетры, и Есенин знал, для чего его спросили. Зинаидин вопрос обозначал: не припомню, не верю я в ваши валенки, никакой вы не крестьянин.

А ответ Есенина обозначал: отстань и совсем ты мне не нужна» («Современники и синхронисты», 1924).

Похожий эпизод вспоминал и Маяковский: «В первый раз я его встретил в лаптях и в рубаше с какими-то вышивками крестиками. Это было в одной из хороших ленинградских квартир. Зная, с каким удовольствием настоящий, а не декоративный мужик меняет свое одеяние на штиблеты и пиджак, я Есенину не поверил. Он мне показался опереточным, бутафорским. Тем более что он уже писал нравящиеся стихи и, очевидно, рубли на сапоги нашлись бы.

Как человек, уже в свое время относивший и отставивший желтую кофту, я деловито осведомился относительно одежды:

— Это что же, для рекламы?

Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло. Что-то вроде:

— Мы деревенские, мы этого вашего не понимаем... мы уж как-нибудь... по-нашему... в исконной, посконной...

Его очень способные и очень деревенские стихи нам, футуристам, конечно, были враждебны.

Но малый он был как будто смешной и милый.

Уходя, я сказал ему на всякий случай:

— Пари держу, что вы все эти лапти да петушки-гребешки бросите!

Есенин возражал с убежденной горячностью» («Как делать стихи», 1926).

Маяковский утверждал, что он выиграл пари, но — лишь через несколько лет. «Есенин мелькал. Плотно я его встретил уже после революции у Горького. Я сразу со всей врожденной неделикатностью заорал: “Отдавайте пари, Есенин, на вас и пиджак и галстук!” Есенин озлился и пошел задираться».

Но в начале пути белая рубашка, плисовые (бархатные) шаровары и цветные сапожки оказываются необходимыми. В таком наряде Есенин вместе с другим поэтом из народа, Н. А. Клюевым, в октябре 1915 года выступает на большом вечере в зале Тенишевского училища на Моховой улице (там же раньше проходили скандальные вечера футуристов). Он не только читает стихи, но играет на гармошке, поет частушки. В зале присутствуют Блок и другие известные представители петербургской интеллигенции.

Нового поэта окрестили Лелем, имея в виду то ли легендарного славянского божка (наподобие Амура), то ли кудрявого пастушка, героя сказочной пьесы А. Н. Островского «Снегурочка». Конечно, эта роль была бы сразу разоблачена (что неоднократно происходило с самозванцами из разных литературных групп), если бы с ней не были связаны талантливые стихи.

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

(«Там, где капустные грядки...», 1910)

Я пастух, мои палаты —
Межи зыбистых полей,
По горам зеленым — скаты
С гарком гулких дупелей.

Вяжут кружево над лесом
В желтой пене облака.
В тихой дреме под навесом
Слышу шепот сосняка.

<...>

Говорят со мной коровы

На кивливом языке.
Духовитые дубровы
Кличут ветками к реке.

(«Я пастух, мои палаты...», 1914)

В начале 1916 года выходит первая книга Есенина «Радуница» (так назывался у восточных славян весенний послепасхальный праздник, связанный с поминанием предков и в то же время — с весельем, радостью в связи с приходом весны). В русской литературе появился новый — и очень необычный — поэт, органически соединивший деревенскую тематику, национальный пейзаж, фольклорную поэтику и достижения современного словесного искусства (позднее один из литературоведов назовет Есенина «новокрестьянским поэтом-символистом»).

Однако радуница-радость совсем не гармонировала с происходившими в России событиями. Книга Есенина вышла в разгар мировой войны. Сначала поэт без определенных занятий получил отсрочку от военной службы, но в марте 1916 года он все-таки оказался в армии, правда, на месте санитаря военно-санитарного поезда, лишь изредка выезжающего на фронт. Летом 1917 года Есенин обвенчался с З. Н. Райх, в это время секретарем-машинисткой, позднее ставшей известной актрисой.

Октябрьскую революцию Есенин встретил восторженно. «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном», — сказано в поздней автобиографии (1925). Этот уклон проявился в серии из десяти «маленьких поэм», созданных Есениным в 1917—1919 гг. О революционных событиях здесь рассказывается с помощью религиозной образности, Лель-пастушок, тихий инок превращается в пророка, тема социального бунта перерастает в богоборчество.

Тучи — как озера,
Месяц — рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

Дрогнул лес зеленый,
Закипел родник.
Здравствуй, обновленный

Отчарь мой, мужик!

(«Отчарь», 19—20 июня 1917)

Лай колоколов над Русью грозный —
Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.

(«Инония», январь 1918)

Блок увидел в революции стихию и музыку, шествие двенадцати с идущим впереди Исусом Христом. Маяковский — организованную железную поступь матросов под руководством большевиков и Ленина. Есенин — восстание природы, крушение кумиров, переоценку всех ценностей, после которых на земле воцарится рай.

Листьями звезды льются
В реки на наших полях.
Да здравствует революция
На земле и на небесах!
<...>
Нам ли страшны полководцы
Белого стада горилл?
Взвихренной конницей рвется
К новому берегу мир.

(«Небесный барабанщик», 1918 — начало 1919)

Но в пафосе разрушения старого и утопическом порыве в будущее три поэта оказываются близки. Даже космическая образность и акцентный стих есенинского «Небесного барабанщика» напоминают стихи его вечного соперника Маяковского.

Однако в первых послереволюционных поэмах Есенин не только воспевает стихийный бунт, вступает в схватку с Богом, признает себя давним союзником новой власти: «Небо — как колокол, / Месяц — язык, / Мать моя — родина, / Я — большевик» («Иорданская голубица», 20—23 июня 1918).

За маской уверенного в себе наследника Васьки Буслаева временами появляется прежний тихий пастушок с явными автобиографическими

чертами:

Пастухи пустыни —
Что мы знаем?..
Только ведь приходское училище
Я кончил,
Только знаю библию да сказки,
Только знаю, что поет овес при ветре...
Да еще
По праздникам
Играть в гармошку.

(«Сельский часослов», 1918)

Это образ попавшего в чужой шумный мир деревенского мальчика не раз драматически откликнется в лирике Есенина. Но логика происходящего, «рок событий» требует от поэта иного.

В марте 1918 года новое советское правительство из прифронтового Петербурга, на который наступают войска Юденича, переезжает в Москву. «Вместе с советской властью покинул Петроград», — говорит Есенин в автобиографии.

В 1915 году в путешествие из Москвы в Петербург отправился безвестный крестьянский паренек в валенках-гетрах. Всего через три года из Петербурга в Москву возвращается признанный поэт, готовый бороться за свое место на Парнасе.

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.
<...>

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

(«Разбуди меня завтра рано...», 1917)

В модернистскую эпоху поэты редко существовали поодиночке. Для того чтобы громко заявить о себе, был необходим круг сочувствующих и манифест-выкрик. «В Москве 18 года встретился с Мариенгофом, Шершеневичем и Ивневым. Назревшая потребность в проведении в жизнь силы образа натолкнула нас на необходимость опубликования манифеста имажинистов. Мы были зачинателями новой полосы в эре искусства, и нам пришлось долго воевать. Во время нашей войны мы переименовывали улицы в свои имена и раскрасили Страстной монастырь в слова своих стихов», — давал Есенин творческий отчет о своих московских предприятиях («Автобиография», 1923).

Литературная группа имажинистов, куда вместе с Есениным вошли упомянутые молодые поэты, возникла в 1919 году. «Декларация» имажинистов была создана бывшим футуристом В. Г. Шершеневичем, заимствовавшим у своих бывших соратников способы утверждения новой эстетики: эпатаж, скандал, выкрик.

При создании нового направления, естественно, надо было заявить об исчерпанности всех прежних. Сначала имажинисты в двух фразах хоронят своего ближайшего предшественника и соперника: «Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 — умер 1919). Издох футуризм. Давайте грядем дружнее: футуризму и футурью — смерть». Столь же пренебрежительно и грубо сказано о других литературных направлениях, включая «лысых символистов»: «Забудем о том, что футуризм существовал, так же как мы забыли о существовании натуралистов, декадентов, романтиков, классиков, импрессионистов и прочей дребедени. К чертовой матери всю эту галиматью». О принципах нового искусства говорилось лаконично и неопределенно с указанием- директивой для желающих самим понять суть дела. «Образ, и только образ. Образ — ступнями от аналогий, параллелизмов — сравнения, противоположения, эпитеты сжатые и раскрытые, приложения политематического, многоэтажного построения — вот орудие производства мастера искусства. <...> Образ — это броня строки. <...> Если кому-нибудь не лень — создайте философию имажинизма, объясните с какой угодно глубиной факт нашего появления. Мы не знаем, может быть, оттого, что вчера в Мексике был дождь, может быть, оттого, что в прошлом году у вас оценилась душа, может быть, еще от чего-нибудь, — но имажинизм

должен был появиться, и мы горды тем, что мы его оруженосцы, что нами, как плакатами, говорит он с вами».

В 1919—1924 годах имажинисты организуют бурную деятельность: издают журнал «Гостиница для путешествующих в прекрасном», открывают литературное кафе «Стойло Пегаса», проводят вечера, где русская литература (вся!) предстает перед судом имажинистов, а потом они — перед судом русской литературы. Вершиной «самозванства и озорства» становится появление лозунгов на стенах Страстного монастыря (в том числе провокационной есенинской строчки из поэмы «Преображение» — «Господи, отелись!») и переименование улиц (на Тверской несколько дней провисела табличка с именем «имажиниста Есенина»).

Участвуя в большинстве имажинистских предприятий, Есенин не мог согласиться с соратниками в главном. Для них, посредственных стихотворцев, образ был механическим приемом, стихотворение — «лирической конструкцией», искусство — «каталогом образов» (оба определения принадлежат Шершеневичу), лишенным отчетливых смысла и цели. «Лошадь как лошадь» (1920) — назывался главный сборник Шершеневича. Но в нем не было ни одной лошади, а сплошные принципы (в заглавиях стихотворений): мещанской концепции, альбомного стиха, примитивного имажинизма, реального параллелизма и даже блока с тумбой.

Есенину в этом сборнике были посвящены несколько стихотворений, в том числе «Лирическая конструкция» (июль 1919):

Все, кто в люльке Челпанова мысль свою вынянчил!
Кто на бочку земли сумел обручи рельс набить,
За расстегнутым воротом нынче
Волосатую завтра увидь!

Где раньше леса, как зеленые ботики,
Надевала весна и айда —
Там глотки печей в дымной зевоте
Прямо в небо суют города.

Нет, настоящую лошадь можно было увидеть не в этом ученическом подражании Маяковскому, а совсем в другом месте.

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поездов?

А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

(«Сорокоуст», август 1920)

Похожий конфликт живого существа и техники, природы и цивилизации Есенин изображает не абстрактно, а наглядно, не в конструкции, а в живой сцене, не механически, а с болью, восхищением красотой, сожалением об уходящем.

Есенин был прирожденным «имажинистом» и поэтому понимал принципы имажинизма иначе, чем его соратники. В трактате «Ключи Марии» (1918) Есенин говорит об избе нашего мышления, где образы прилегают друг к другу как бревна и являются основой будущего искусства: «Будущее искусство расцветет в своих возможностях достижений как некий вселенский вертоград, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего дерева, имя которому социализм, или рай...»

Позднее в статье «Быт и искусство» (1920) Есенин отстаивает естественность, органичность создания и сочетания образов, а также их тесную связь с крестьянским бытом: «Собратья мои увлеклись зрительной фигуральностью словесной формы, им кажется, что слова и образ — это уже все. <...> Собратья мои не признают порядка и согласованности в сочетаниях слов и образов. Хочется мне сказать собратьям, что они не правы в этом. <...> Сажая под окошком ветлу или рябину, крестьянин, например, уже делает четкий и строгий рисунок своего быта со всеми его зависимостями от климатического стиля. Каждый шаг наш, каждая проведенная борозда есть

необходимый штрих в картине нашей жизни. <...> У братьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласовано все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

Есенин разошелся с «собратями» довольно быстро: в 1924 году он официально объявил о выходе из группы. Вскоре закончился и весь имажинизм.

Воспевая мир как дом и родство как норму жизни, сочиняя трогательные стихотворные послания матери, сестре, деду, Есенин до конца жизни не имел собственного дома и настоящей семьи. Он колесил по России, летом приезжал в Константиново, подолгу жил на московских квартирах друзей. Его брак с З. Н. Райх быстро распался. В 1921 году, по словам Пастернака, Есенин «как жар-птицу, поймал за хвост Айседору Дункан».

Но и этот брак не принес новому Ивану-Царевичу счастья. У знаменитого уже поэта и не менее знаменитой, но заканчивающей карьеру танцовщицы в буквальном смысле слова не было общего языка: Айседора почти не говорила по-русски, Есенин не знал иностранных языков. В 1922 году странная семья (избранница была на восемнадцать лет старше Есенина) едет в путешествие по Европе и Америке. Несколько месяцев поэтические вечера, на которых Есенин, как и в России, с огромным успехом читает стихи, перемежаются скандалами с непримиримыми русскими эмигрантами и сценами ревности.

В Америку Есенин и Дункан (сама американка) попали далеко не сразу. Пограничные чиновники отказывались впустить их в страну, опасаясь, что прибывшая из советской России семья распропагандирует американцев. Разрешение на въезд было дано лишь по ходатайству американского президента, с условием, что Есенин не будет, как в Берлине, петь «Интернационал» в публичных местах. В Новом Свете, не интересующемся поэзией, Есенин оказался всего лишь мужем Дункан, частью ее «свиты», деталью ее экзотического облика.

Он вернулся в Россию через полтора года. В неоконченных очерках об Америке Есенин восхищается «железной и гранитной мощью»

страны («Это поэма без слов»), ее «культурой машин» и одновременно иронизирует над примитивностью, узостью американских нравов, напоминающих «незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича». Самое большое впечатление на Есенина произвел огромный океанский пароход «Париж», чудо современной техники, заставившее поэта — пока теоретически — совсем по-иному взглянуть на воспеваемый им быт полевой Руси. «Я осмотрел коридор, где разложили наш большой багаж, приблизительно в 20 чемоданов, осмотрел столовую, свою комнату, две ваннные комнаты и, сев на софу, громко расхохотался. Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше. Вспомнил про “дым отечества”, про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за “Русь” как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию. Милостивые государи! С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам как романтик в моих поэмах, — я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве» («Железный Миргород», 1923).

Сходные мысли и чувства Есенин выражает и в стихах.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю выюгу
Я за бедность полей разлюбил.
<...>
Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.
Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальную
Видеть бедную, нищую Русь.

(«Неуютная лунная жидкость...», 1925)

Но Есенин так и не успел или не захотел стать соратником Маяковского, певцом стальной Руси. Вернувшись из-за границы, он

продолжает кочевую, богемную жизнь знаменитого поэта: расторгает брак с Айседорой Дункан и заключает иной, не менее династический, с внучкой писателя С. А. Толстой; лечится в нервной клинике; живет в Баку (там написаны «Персидские мотивы», «Русь уходящая», начата поэма «Анна Снегина»).

В ноябре 1925 года дописана и опубликована начатая еще за границей трагическая поэма «Черный человек», в которой страшным соблазнителем, исковеркавшим жизнь лирического героя, желтоволосого мальчика с голубыми глазами, оказывается он сам.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусава надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
<...>
...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

3 декабря 1925 года Есенин ночным поездом отправляется в Ленинград. Всего десять лет назад юный стихотворец мечтал увидеться с Блоком и получить от него благословение. «Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта». Теперь в тот же город с иным именем — и уже без Блока — возвращается знаменитый поэт с неясной даже ему самому целью. Одной знакомой он рассказывает, что приехал начать новую жизнь: лечиться, работать, как Некрасов, издавать свой журнал. Другому знакомому, ленинградскому имажинисту В. Эрлиху, дарит стихи, написанные кровью, но просит прочитать их позднее.

Это восьмистишие — последнее написанное Есениным стихотворение.

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Утром 28 декабря его находят в снятом четыре дня назад номере гостиницы «Англетер». Есть люди, которые и до настоящего времени не верят, что это было самоубийство...

Посмертная слава Есенина еще более возросла. Влюбленная в него женщина, Галина Бениславская, ровно через год покончила с собой на его могиле. Это самоубийство было не единственным. В культурном обиходе появилось и даже попало в словари понятие есенинщина: упадочные настроения среди молодежи, часто сопровождавшиеся самоубийствами.

Среди «заупокойного лома» стихов, статей, воспоминаний выделяются стихотворение Маяковского и очерк Горького «Сергей Есенин» (1926). Вспоминая о встрече с поэтом, об авторском чтении, Горький произнес очень важные слова: «После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой “печали полей” (слова С. Н. Сергеева-Ценского), любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком».

Есенина хоронили в Москве в последний день 1925 года. По пути на Ваганьковское кладбище гроб обнесли вокруг памятника Пушкину на Тверском бульваре.

Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.

Эти стихи поэт читал на том же самом месте всего полгода назад. Теперь памятник ему тоже стоит на Тверском бульваре неподалеку от пушкинского.

И. Н. Сухих

Стихотворения

* * *

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечки.

И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

1910

* * *

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

1910

* * *

Поет зима — аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стзвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую

Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

Подражанье песне

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,

Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадилный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

1910

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в алостях зари.

1910

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолюсь украдкой
За твою судьбу.

1910

* * *

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом

Пеной я цвет разнесу.

1910

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церкви перед затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.

Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску! Идут скоморохи!»

1910

Поэт

Он бледен. Мыслит страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь,
А щеки выпили сомненья.

Клоками сбиты волоса,
Чело высокое в морщинах,
Но ясных грез его краса
Горит в продуманных картинах.

Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.

Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум, душевный шум...
Снесет он завтра за целковый.

<1910—1912>

Звезды

Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?

Частые звездочки, звездочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?

И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятья широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звезды небесные, звезды далекие!

<1911—1912>

И. Д. Рудинскому

Солнца луч золотой
Бросил искру свою
И своей теплотой
Согрел душу мою.

И надежда в груди
Затаилась моей;
Что-то жду впереди
От грядущих я дней.

Оживило тепло,
Озарил меня свет.
Я забыл, что прошло
И чего во мне нет.

Загорелась кровь
Жарче дня и огня.
И светло и тепло
На душе у меня.

Чувства полны добра,
Сердце бьется сильнее.
Оживил меня луч
Теплотою своей.

Я с любовью иду
На указанный путь,
И от мук и тревог
Не волнуется грудь.

<1911>

* * *

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,

С ним — милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

1911

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра.

Залюбуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

1911

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру.
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюсь на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрустили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе, —
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

1911

Воспоминание

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает.

«Эх, была-де пора,
Жил, тоски не зная,
Лишь кутил да гулял,
Песни распевая.

А теперь что за жизнь?
В тоске изнываю
И порой о тех днях

С грустью вспоминаю.

Поголял на веку,
Говорят, довольно.
Размахнуть старину
Не дают раздолья.

Полно, дескать, старик,
Не дури ты много,
Твой конец не велик,
Жизнь твоя у гроба.

Ну и что ж, покорюсь, —
Видно, моя доля.
Придет им тоже час
Старческого горя».

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
С грустью засыпает.

<1911—1912>

Моя жизнь

Будто жизнь на страданья моя обречёна;
Горе вместе с тоской заградили мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда разлучёна,
От тоски и от ран истомилась грудь.
Будто в жизни мне выпал страданья удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.
Уж и так в жизни много всего я терпел,
Изнывает душа от тоски и от горя.

Даль туманная радость и счастье сулит,
А дойду — только слышатся вздохи да слезы,

Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие грезы.

Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданиям, ни горю.

<1911—1912>

Что прошло — не вернуть

Не вернуть мне ту ночь прохладную,
Не видать мне подруги своей,
Не слышать мне ту песню отрадную,
Что в саду распевал соловей!

Унеслася та ночь весенняя,
Ей не скажешь: «Вернись, подожди».
Наступила погода осенняя,
Бесконечные льются дожди.

Крепким сном спит в могиле подруга,
Схороня в своем сердце любовь.
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь.

И замолкла та песнь соловьиная,
За моря соловей улетел,
Не звучит уже более, сильная,
Что он ночью прохладною пел.
Пролетели и радости милые,
Что испытывал в жизни тогда.
На душе уже чувства остывшие.
Что прошло — не вернуть никогда.

<1911—1912>

Ночь

Тихо дремлет река.
Темный бор не шумит.
Соловей не поет,
И дергач не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошенных степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе все спит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

<1911—1912>

Восход солнца

Загорелась зорька красная
В небе темно-голубом,
Полоса явилась ясная
В своем блеске золотом.

Лучи солнышка высоко
Отразили в небе свет.
И рассыпались далеко
От них новые в ответ.

Лучи ярко-золотые
Осветили землю вдруг.
Небеса уж голубые

Расстилаются вокруг.

<1911—1912>

К покойнику

Уж крышку туго закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят.

Ты будешь нем на зов наш зычный,
Когда сюда к тебе придем.
И вместе с тем рукой привычной
Тебе венков мы накладем.

Венки те красотою будут,
Могила будет в них сиять.
Друзья тебя не позабудут
И будут часто вспоминать.

Покойся с миром, друг наш милый,
И ожидай ты нас к себе.
Мы перетерпим горе с силой,
Быть может, скоро и придем к тебе.

<1911—1912>

Зима

Вот уж осень улетела,
И примчалася зима.
Как на крыльях, прилетела
Невидимо вдруг она.

Вот морозы затрещали
И сковали все пруды.
И мальчишки закричали
Ей «спасибо» за труды.

Вот появились узоры
На стеклах дивной красоты.
Все устремили свои взоры,
Глядя на это. С высоты

Снег падает, мелькает, вьется,
Ложится белой пеленой.
Вот солнце в облаках мигает,
И иней на снегу сверкает.

<1911—1912>

Песня старика разбойника

Угасла молодость моя,
Краса в лице завяла,
И удали уж прежней нет,
И силы — не бывало.

Бывало, пятерых сшибал
Я с ног своей дубиной,
Теперь же хил и стар я стал
И плачуся судьбиной.

Бывало, песни распевал
С утра до темной ночи,
Теперь тоска меня сосет
И грусть мне сердце точит.

Когда-то я ведь был удал,
Разбойничал и грабил,
Теперь же хил и стар я стал,
Все прежнее оставил.

<1911—1912>

Ночь

Усталый день склонился к ночи,
Затихла шумная волна,
Погасло солнце, и над миром
Плывет задумчиво луна.
Долина тихая внимает
Журчанью мирного ручья.
И темный лес, склоняясь, дремлет
Под звуки песен соловья.
Внимая песням, с берегами,
Ласкаясь, шепчется река.
И тихо слышится над нею
Веселый шелест тростника.

<1910—1912>

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ